

Шесть пятнадцать на старых ходиках..

Шесть пятнадцать на старых ходиках.

И она на ногах чуть свет.

Ждёт. Все птицы к апрелю вроде бы
возвратились уже на родину,
только аиста нет и нет.

Снег сошёл давно, и растрёпанный
сад по пояс в весне увяз.

И ей чудится: за воротами
белый аист крылами хлопает.

Выбегает – и всякий раз
никого. Далеко за рощею
ветры вольную песнь поют.

Мир бескрайний. Домишко крошечный.
Никогда ничего хорошего
не случилось в её краю.

Плечи, губ уголки опущены...

Сколько минуло долгих зим!
Не вернётся?

Оно и к лучшему.

Но как будто рука зовущая –
тонкой струйкой над кровлей дым.

Шесть пятнадцать. Почти смеркается.

Не спешит эмигрант домой.

А она у окошка мается,

ищет в небе глазами аиста,
и в руках тишины немой,
как в силках, бьётся птицей пойманной
и до хрипа кричит, кричит...
На часах шесть пятнадцать. Сломаны.
И на крыше шуршат соломою
ночь за ночью одни грачи.

Матвей

Ночь-полночь. Она в одной сорочке
рвётся в стужу с валенками в сад:
– Дапусти ты, ирод! Там же дочки
на морозе бóсье стоят!
... Плачь – не плачь, берёт война без спросу
в дар себе не только сыновей.
Три девчонки было – три берёзы
посадил под окнами Матвей.
Боль прядёт причудливую пряжу:
год какой Матвеева жена
ленточки берёзам в косы вяжет,
сказывает сказки до темна.
... Ночь-полночь...
– Пусти!
– Вертайся щас же!
Что ты, баба, тронулась умом?
Всё к чертям срублю! – Матвей ей скажет
и шагнёт за двери с топором;
вынет папиросы, чиркнет спичкой...
Вот и злоба враз на нет сошла.
... Первая берёзка – невеличка:
Стася в мать росточком-то была.
Деревце, что рядом, то повыше
и маленько ладней остальных:
к старшенькой – красавице Ирише –
не один посватался жених.
А вон ту берёзку любят птицы:
пела Груня дюже хорошо...
С фронта он в июле воротился,
в дом пустой – целёхоньким пришёл.
Три берёзки. В трёх стаканах крепкий
мутный самогон. За упокой.

Постучит война в окошко веткой,
будто тонкой девичьей рукой.

... Наметёт к утру. В одной сорочке
горюшко крадучись выйдет в сад,
где замёрз в сугробе этой ночью
трижды в сердце раненный солдат.

Париж

А за окнами был Париж.
А за стенкой сосед-алкаш:
– Дед, накатим? Сердечник? Ишь...
Всё по-честному. Баш на баш.
Коммуналка, галдёж – привык.
Так же жили все пра-пра-пра.
Беспардонный соседкин крик
заглушал беспардонный храп:
– Подымайся! Чего лежишь,
пьянь такая? Да чтоб ты сдох!
Но за окнами был Париж,
и сквозь сжатые зубы – вдох.
Забегала с дежурства дочь:
– Не выходишь? Совсем зачах.
Хоть проветривай через ночь.
И когда она впопыхах
рамы дёргала
(– Ну и вонь!
– Ты ступай, mon ami. Я сам...),
в окна плыл колокольный звон
к службе утренней в Нотр-Дам.
Город звал его? – Хорошо.
... Был четверг. До рассвета, в три,
он оделся. Почти ушёл;
но у самой входной двери
вдруг осел потихоньку вниз.
И небритый, в трико, босой
ангел божий над ним навис,
перегаром дохнув в лицо:
– Худо? Зинка, валокордин!
И «03»! Ну, давай живей!
Боль металась в его груди

сотней пуганых голубей;
он хрипел на них: кыш, мол, кыш...

Днём, впервые по той весне,
дождь прошёл – и забрал Париж,
нарисованный на стене.

Иваси

рыба бесхребетная иваси
в синем-синем море плывёт-скользит
и морской воды солоней в разы
горький привкус рыбьей её слезы
ни о чём я Господа не просил
а теперь прошу: сохрани спаси
пусть живым дойдёт до конца стези
пусть увидит море хоть раз близи
тот кто мне постыл и невыносим
тот о ком не спит опять иваси
свет велик, а море – от сих до сих
уплывай пожалуйста, иваси
мир не рухнет, мир не сойдёт с оси:
в этом море тысячи иваси
ни о чём стихии я не просил
а теперь прошу: коли хватит сил
рыбу бесхребетную иваси
ты туда, течение, отнеси
где старик без имени на фарси
хрипло кличет с берега иваси

Спи, мой хороший, спи уже...

«Спи, мой хороший, спи уже»... Стонет теплоцентральный.
Город до хруста выстужен. В городе вновь февраль.
Сгорбился у обочины сонный-бессонный дом.
Пахнет бельём замоченным, гарью и молоком.
И торопя метельную зимнюю ночь к концу,
горлица колыбельную тихо поёт птенцу.
«Баю-баю», – заученно... больше не вспомнить слов.
Комната вся измучена дробью глухих шагов.
Время со скрипом крутится мельничным колесом.

А за окошком улицу начисто занесло:
малость – и Богом брошенный город исчезнет с карт...
«Тише же, ну, хороший мой. Подзаплутавший март
я для тебя аукаю. Ты потерпи ещё.
Знаю, что вместе с вьюгою плачется хорошо».
И хоть ничуть не верится даже в рассвет самой,
шепчет голубка первенцу: «Сделаются весной
ночи – совсем короткими, руки мои – теплей».
Снежный узор решёткою на ледяном стекле.
Ей бы из дома выбежать, птицей сорваться вдаль!..
«Спи, мой хороший, спи уже. Завтра пока февраль...».